

с Христофором, которое разгромило Теффрику в 871/872 г. (дата устанавливается по Табари). О третьем походе (со стратилатом Андреем во главе) ни один источник, кроме Генесия, не сообщает.

Таким образом, Генесий, включив в рассказ о павликианских войнах повесть об Андрее, лишь спутал ход событий: рассказ о победе Андрея над арабами был перенесен в начало правления Василия I, а число походов против Теффрики возросло до трех.

В самом конце «Книги царей» Генесий дает характеристику Василия как человека и политического деятеля, бегло излагая «общеполезные дела» императора и упоминая о его любви к бедным. Подробнее он останавливается на страсти императора к охоте и к физическим упражнениям. Генесий сообщает здесь о победе Василия над атлетом-болгарином (Gen., р. 127.15—16), но уже Ф. Гирш показал, что в этом эпизоде Генесий повторяет рассказ, помещенный им в самом начале истории Василия, в повествовании о появлении будущего императора в Константинополе⁸².

Мы сопоставили известия Генесия о царствовании Василия I с «Жизнеописанием Василия», принадлежащим, скорее всего, перу Константина Багрянородного и включенным в состав сборника, условно называемого хроникой Продолжателя Феофана. Мы вынуждены отвергнуть традиционное представление, развитое всего последовательнее Ф. Гиршем, будто Генесий явился первым историком, рассказавшим об этих событиях и использованным впоследствии автором «Жизнеописания Василия»: из неясного, путаного и противоречивого повествования Генесия не могли бы родиться соответствующие разделы хроники Продолжателя Феофана. О независимости обеих хроник, разумеется, не приходится говорить; следовательно, мы должны либо допустить существование общего источника, плохо понятого и искаженного Генесием, либо же предположить, что Генесий пользовался материалами Константина, так сказать, черновым вариантом «Жизнеописания Василия», к чему он присоединил известия, почерпнутые из повести о стратилате Андрее, рассказ об убийстве Михаила III, легенду о борьбе Василия с болгарским атлетом, другой вариант предания о монахе (не игумене) монастыря св. Диомида и некоторые второстепенные детали.

Как историк Генесий совершенно беспомощен. В «Книге царей» много повторений. Отдельные части механически соединены, а некоторые эпизоды столь же механически подверглись разобщению. Такое обилие повторений и механическое разобщение цельных эпизодов вряд ли соответствуют традиционному представлению о Генесии как об авторе, писавшем на основании устных свидетельств, — это скорее могло быть присуще неопытному компилятору⁸³.

Существенные события почти не нашли отображения в «Книге царей» — внимание Генесия привлекали анекдоты, чудесные истории, этимология географических названий. Личность автора, его пристрастие, любовь и ненависть не чувствуются при описании событий, не связанных единством идей. Генесий — один из наиболее беспомощных византийских хронистов.

Но если мы можем допустить, что Генесий в соответствующей части восходит к «Жизнеописанию Василия» или к общему источнику, переданному им искаженно, то возникает вопрос о соотношении «Книги царей» с первой частью хроники Продолжателя Феофана. Мы не ставим своей целью детальный анализ соответствующих разделов обеих хроник, но хо-

⁸² F. Hirsch. Op. cit., p. 168.

⁸³ О методе Генесия в сравнении с Продолжателем Феофана и с Феофаном см. F. Barišić. Génésios..., p. 124 sq., 133.